А. Г. ВОЗЬЯНОВ

Возьянов Андрей Григорьевич
магистр культурной антропологии
аспирант, младший научный сотрудник,
Институт исследований Восточной
и Юго-Восточной Европы,
Университет Регенсбурга (Германия)
Graduiertenschule für Ost- und
Südosteuropastudien Universität Regensburg;
Landshuter Str. 4, D-93047 Regensburg, Deutschland
Тел.: 0049-(0)941-943-5360
E-mail: avozyanov@gmail.com

ВОЗМОЖНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА: ОБ ОДНОМ ОПЫТЕ «ДИГИТАЛИЗИРОВАННОГО» САМОНАБЛЮДЕНИЯ ИНФОРМАНТОВ

Аннотация. Статья посвящена использованию мобильных приложений при систематическом самонаблюдении информантов. Эмпирическая основа текста — проект по исследованию опыта пассажиров общественного транспорта в Москве и Санкт-Петербурге, проведенному летом 2014 г. при помощи приложений для подсчета временных затрат. Обсуждаются как преимущества методологической инновации (упрощение рекрутинга, частичная автоматизация сбора и обработки данных), так и ее опасные эффекты (навязывание нарративных форм и стандартизированных темпоральностей через интерфейс приложения).

Ключевые слова: систематическое самонаблюдение информантов, новые медиа, большие данные, цифровая гуманитаристика, бюджеты времени, смартфон, автоэтнография

Под влиянием новых медиа меняются не только изучаемые социологами и антропологами практики, но и инфраструктура проведения исследований. Мы ищем информантов через Интернет, потом переписываемся с ними по электронной почте или в соцсетях; храним данные на жестком диске компьютера или в облачном хранилище; берем интервью по скайпу; ведем полевые дневники в Word-файлах, обрабатываем массив текстов в специальных программах. Все это и многое другое (выше шла

© А. Г. ВОЗЬЯНОВ

речь только о квалитативных исследованиях) позволяет ускорить выполнение некоторых задач по сравнению с аналоговым периодом: копирование, поиск, передача данных всегда занимали значимую часть рабочего времени — и бóльшую, чем нам хотелось бы.

Одновременно рефлексии о том, как новые возможности влияют на исследовательский процесс, не так-то много. Один из критических взглядов на эффекты медиа в сфере личного представления и знания о прошлом (а именно эту сферу зачастую изучают социальные исследователи) представлен у Жозе ван Дайк: дигитализация, мультимедиализация и гуглизация могут манипулятивно изменять паттерны запоминания и использования памяти [van Dijck 2007: xv–xvi]. Смещая фокус на методологию, исследователи пишут о том, как технические гаджеты переопределяют пространственные и временные рамки поля исследования [Pink 2009; Kien 2009]. Полностью охватить эту тему в одном исследовании едва ли возможно; существующие статьи посвящены ее отдельным аспектам: цифровому влиянию на транскрибирование [Davidson 2009] или этнографию, будь то использование смартфона [Van Doorn 2013] или метод скайп-интервью [Hanna 2012; Oates 2015]. В данной статье речь пойдет о концептуальных и методологических уроках (или, если угодно, последствиях) «дигитализированной» автоэтнографии в квалитативном исследовании повседневности горожан.

Эмпирическим материалом является модуль проекта «Интерактивный город», посвященный практикам ожидания и перемещения на общественном транспорте в контексте повсеместного распространения мобильных устройств и цифровых интерфейсов/технологий («Общественный транспорт и личное время»).

В изучении практик ожидания транспорта/в транспорте было решено совместить фокусированные интервью и самонаблюдение информантов. Это было вызвано желанием не опираться на единственный тип источников, которым часто пользуются коллеги, а именно — интервью. Об ограничениях интервью как метода написано много (представление об этой критике можно найти, например, в обзоре Мартина Хаммерслея [Hammersley 2003]). Есть и общее осознание того, что одного метода недостаточно, существуют и претензии к методу интервью в рамках темы транзита в городе; на обе проблемы указано в статье датских исследователей об изучении детской мобильности [Christensen et al. 2011]. Однако в моем тексте речь идет не столько об ограничениях интервью, сколько о попытке избежать этих ограничений при помощи альтернативного метода — систематического самонаблюдения информантов.

Систематическое самонаблюдение информантов — не самый распространенный в ряду этнографических методов, но и редким он не является. Различные виды самонаблюдения используются как основные и/или в сочетании с другими методами, дополняя либо «поддерживая» их. В советской социологии существует традиция бюджетов времени, развивавшаяся в сугубо количественной прагматике и с целью макросоциологических

обобщений (историю данного метода в советской социологии см. в [Патрушев и др. 2001]). Позже, как смежный с этнографией метод, дневники времени активно использовались в гендерных исследованиях [Sullivan 1997; Beck, Arnold 2009; Craig 2006] или в социологии профессий [Merz 2002; Волков и др. 2012]; в последнее время — в основном в исследованиях эмоций [Collinson 2005; Markey 2014; Larsen 2014]. Автоэтнография видится социальным исследователям как важный инструмент для исследования разнообразных рабочих коллективов [Boyle, Parry 2007; Buchanan, Bryman 2009]. Эпистемологически самонаблюдение привлекает антропологов меньшими интерсубъективными искажениями, сокращенным временны́м разрывом между переживанием и записью о нем, частичным снятием нарративизации опыта и т. д. Практически организацию самонаблюдения усложняют такие необходимости, как более длительное (по сравнению с интервью) включение информанта в исследовательский процесс; многократность контакта с исследователем; инструктирование участников, в котором не обойтись без хотя бы краткого объяснения задач исследования.

Мною была предпринята попытка оптимизировать сбор данных этим методом при помощи цифровых технологий. В качестве инструмента фиксации данных были предложены мобильные приложения для отслеживания времени (time tracking software). Вопрос, на который были призваны ответить данные самонаблюдения в рамках проекта «Общественный транспорт и личное время», — какова роль портативных цифровых устройств и беспроводных технологий в проживании времени ожидания транспорта и перемещения на нем. В задание для участников исследования входила фиксация периодов ожидания транспорта, поездки в транспорте и ожидания в других ситуациях (например, в очереди), а также собственных мыслей и занятий в это время. Далее будет приведено несколько выводов по результатам использования данного дизайна исследования.

Подготовка к полю: под знаком оптимизации

Полевая фаза исследования проходила летом 2014 г. в Москве и Санкт-Петербурге, а также (значительной частью) в сети Интернет. Решение использовать софт для отслеживания времени (time tracking software) было подсмотрено у знакомых в некоммерческой организации, где сотрудники использовали программу Toggl для персонального тайм-менеджмента. Дизайн исследования был инспирирован (и в то же время предопределен) функционалом этой программы. От автоэтнографии при помощи смартфон-приложения вместо ручки с тетрадкой ожидались следующие преимущества:

1) Автоматическое проставление временны́х отметок начала и конца фиксируемого периода.

2) Присвоение тегов к записям. Опция связана со структурированием данных в свободной форме через теги. Тег присваивается каждой записи.

Тег как элемент приложений по сути заставляет информантов делать тематическое кодирование за исследователя — здесь, с одной стороны, перераспределяются интеллектуальные усилия, с другой — в виде тегов информантами (а не исследователями) генерируются эмные кодировочные категории.

3) Переключение между затегированными видами фиксируемых фрагментов времени в один клик. Присвоив единожды имя (тег) типу времяпрепровождения, пользователь может в дальнейшем выбирать этот тег для неограниченного количества временны́х фрагментов.

4) Автоматический экспорт данных, частично структурированных посредством тегов самими информантами, в Excel.

Таким образом, самая «скучная» часть работы была частично автоматизирована, что теоретически высвобождало время и силы для фиксации собственно квалитативных данных в свободной текстовой форме.

При практической невозможности разработать свой софт оставалось выбирать из уже существующих. Приложение Toggl не имело мобильной версии для платформы Android, поэтому я попытался найти другое приложение, подходящее не только для айфонов. Выбор был довольно большим, хотя приложения близки друг к другу по функционалу. В итоге было выбрано приложение Time Recording, предоставляющее все базовые для данного типа софта функции: записи в свободной текстовой форме, возможность комментировать и экспорт данных. Для информантов была написана пошаговая инструкция со скриншотами.

Перед самой отправкой приглашения к участию в исследовании[1] стало понятно, что благодаря использованию «цифры» в дизайн исследования вписано социальное исключение. Так, у меня освоение программы и формата файлов с экспортированными данными (.svf) заняло недолгое время, и по себе я определил «доступность» программы для других. У одной из информанток на смартфоне была установленная производителем операционная система Symbian для Nokia, и ей просто не удалось найти подходящего приложения. В самом начале полевой фазы выяснилось, что Time Recording не устанавливается у владельцев продукции Apple; подходящее приложение нашел один из последующих информантов, специалист в области информационных технологий. Поскольку пошаговая инструкция была написана с расчетом на Android-приложение, пришлось дописывать пояснение для владельцев айфонов; частично им пришлось разбираться с

[1] Одним из вопросов исследования было, как горожане переживают необходимость ждать. По замечанию коллег сами вопросы, содержащие слова *использовать* и *ждать*, провоцировали ситуацию напряженности транзита. Чтобы исключить упоминание ожидания в связи с транспортом в само́м задании, первый вариант списка вопросов был переделан, в файлах с заданиями, отсылаемых информантам, часть названия digital waiting_ была заменена на in transit_. В итоге ожидание стало маргинальным сюжетом исследования, поскольку в транспортном опыте участников было много других, более ярких сторон. В одном из дневников через систему тегов ожидание как раз напрямую выводилось за пределы транспортного опыта — там были теги «транспорт», «станция» и «waiting».

программой самим (и они это позже сделали). Таким образом, приглашение к участию в исследовании по умолчанию подразумевало, что участники имеют смартфон и пользуются Интернетом, а также быстро осваивают цифровые интерфейсы. Через «дигитализированный» дизайн из выборки нерефлексивно исключались представители старшего поколения по ту сторону digital divide, малообеспеченные слои населения, а также пользователи устройств, альтернативных двум мировым медиамонстрам Apple и Android. Тогда я написал запасную инструкцию для дневника в тетрадке — хотя она и больше походила на привычные «аналоговые» дизайны наблюдения, но сыграла в исследовании значимую роль.

Итак, внутри себя метод был оптимизирован и дифференцирован по медиа. Были перераспределены аналитическое усилие и нагрузка по переводу устного текста в письменный. Ожидалось, что информанты напишут больше текста по сравнению с тем, что написали бы без приложения. Интервью на этой стадии мыслились как метод сугубо дополнительный, используемый для уточнения деталей, непонятных из дневника.

Стали видны два не замечавшихся ранее обстоятельства: 1) свойства девайсов, имеющихся у информантов, значимы для исследовательского процесса; 2) освоение исследователем софта, который предлагается информантам, — аналитически продуктивная часть исследования.

Данные: медиа, задавившие месседж?

Заявок было порядка двадцати пяти, но поле принесло только тринадцать дневников. Кое-кто не довел наблюдение до конца, некоторые отказались от участия в исследовании после прочтения детальной инструкции, отправляемой в ответ на заявку. При этом бросали самонаблюдение в основном люди со смартфонами и айфонами, а не те, кто выбрал написание дневника без приложения для отслеживания времени. Пятеро участников использовали приложение Toggl для IPhone, трое — приложение Time Recording для ОС Android, а еще пять вели обычный дневник в Word и/или на бумаге. С двенадцатью из отдавших дневник проведены тематизированные интервью (общая их продолжительность — не менее восьми часов).

У исследования получилась довольно специфическая выборка, и это отразилось на результатах. Необычная методология в сочетании с издержками «снежного кома» и анонсов в соцсетях привлекла участников, которые заняты в исследовательской работе, работают с текстами и/или технологиями — т. е. тех, кто имеет тенденцию быть на переднем крае, несколько опережая в своих практиках мейнстрим. Можно предположить, что полученные результаты тоже будут характеризовать в большей степени потенциальное ближайшее будущее, чем текущую ситуацию для количественного большинства (хорошо это или плохо — предмет отдельной дискуссии, отмечу здесь лишь, что единого мнения на этот счет не выработано).

Медиаформат приложения, необдуманно заданный исследователем, повлиял на характер данных: все дневники приобрели унифицированную форму. Своим исследованием я хотел поставить под сомнение всеобщее стремление минимизировать время транзита, поскольку оно воспринимается как бесполезное, потраченное впустую, неполноценное. При этом существует мнение, что в проблему время транзита возводит сама индустриализация времени [Schivelbusch 2014]. Но именно индустриальный продуктивизм, подразумевающий выделение рабочих и выходных дней, по умолчанию был заложен в архитектуре софта. Программа автоматически выводила статистические отчеты за периоды, называемые в интерфейсе work units — *рабочий* модуль, предлагала суммировать данные по *рабочей* группе (working group) и выполненным *заданиям* (tasks); эта же логика просочилась в данные. Почти все информанты отметили, что до участия в исследовании никогда не подсчитывали время в пути систематически. В попытке понять, ощущают ли время информанты, я заставил их за ним следить. И они писали в примечаниях, например: «ой, забыла сделать чек-аут. доехала примерно к 11:10» при записи, сделанной в 11:11 (ж., 27 лет, Санкт-Петербург, социолог, вела дневник при помощи Time Recording; орфография дневника сохранена).

Более того, приложение как бы вытеснило из процесса самонаблюдения аналоговые (и более «гибкие») элементы. Изначально желая облегчить задачу информантам, я главным образом облегчил сбор данных — присылаемых в таблицах по установленной форме или в файле Word. Даже в случае ведения бумажного дневника форма была табличной и повторяла темплейт приложения. Этот эффект неудивителен, если окинуть взглядом ландшафт современных мобильных приложений для самонаблюдения: они предназначены главным образом для (само)контроля/мониторинга/улучшения (control, monitoring, improvement) и измеряют эти явления количественно.

Еще один примечательный результат — отсутствие корреляции между длиной записей и использованным инструментом самонаблюдения. Ожидалось, что участники, использующие приложения, напишут больше «свободного текста» в поле для комментариев. Однако это предположение не подтвердилось — самыми подробными оказались дневники, которые велись в свободной форме. Вероятно, и здесь сыграла роль специфика самих медиа — традиционно при помощи ручки мы порождаем тексты большего объема (конспекты), чем с телефона (смс и ответы в соцсетях). При всей интенсивности дигитализации мы еще пребываем на этапе, когда даже у юных есть обширный «доцифровой» опыт письма: хотя значительная часть аудитории сегодня сидит на лекциях в вузах с ноутбуками, в школе это поколение писало ручкой. Несколько участников говорили о том, что забывали про программу в первые дни, в то время как с дневником такое почти не происходило. Письмо от руки становится более необычным и запоминающимся действием, нежели ввод текста с помощью клавиатуры, ср. фрагмент интервью: «Когда айфон ушел

в ремонт — то писать было легче, поскольку я не забывала, но было неудобно, поскольку ручку приходилось брать» (ж., 26 лет, Москва, научный сотрудник). Это можно связать и с тем, что мы пишем от руки в те медиа, которые не обладают опцией автоматического напоминания (тетрадь или блокнот). Кроме того, с клавиатуры смартфона текст пишется медленнее — и этим одна из участниц исследования объяснила то, что дневник оказался несколько короче ожидаемого.

Информанты тегировали свое время в основном по видам транспорта, создавая таким образом описательные теги вместо аналитических. Предпосылка к этому тоже содержалась в интерфейсе. Так, в Time Recording периоду можно присвоить только один тег. С одной стороны, это препятствовало отображению спорных случаев, с другой — сами классификации вынужденно разрабатывались информантами таким образом, чтобы описываться одним тегом, а не их множеством. В случае поездки вид транспорта действительно интуитивен для классификации. Зато в Toggl можно было присваивать несколько тегов одной записи, и этим пользовались; именно при этой опции классификации были более многомерными и эвристичными. Отсюда возникает методологический вопрос — а не было бы эффективнее предложить информантам произвести тегирование до того, как они узнают возможности приложения?

В то же время предварительно разработанная система тегов препятствует дальнейшему пополнению списка тегов, как бы блокируя процесс рефлексии.

Интервью воспринималось и срабатывало как основной метод. Все участники знали о том, что после самонаблюдения будет интервью, и, вероятно, поэтому откладывали до него рассказ. Был случай, когда мне сказали об этом прямо: «Да, я это не записала, но готова об этом рассказать» (ж., 46, Москва, продавец-консультант, вела дневник в Word). Иногда во время интервью мне говорили: «вроде я писал(а) это в дневнике», когда на самом деле в дневнике соответствующей информации не было. Иными словами, автоэтнографию в проекте маргинализировало отсутствие разъяснений о ее целях при знании об интервью. Повторюсь, ожидалось, что часть задач, ранее выполнявшихся информантами, возьмет на себя софт, а информанты потратят часть из того же общего количества усилий не на расчерчивание таблиц и т. д., а на «дальнейшее продвижение» в виде свободных комментариев. Надо честно признаться, что объяснять эту схему на стадии рекрутинга намного сложнее, чем говорить в жанре рекламы: «Самое скучное за вас сделает программа».

Выше большая часть текста отведена описанию промахов методологии. Тем не менее есть и несколько позитивных следствий использования приложения для самонаблюдения. Сами информанты очень позитивно реагировали на цифровой формат, в том числе говоря, что только так и согласились бы участвовать в проекте. Печатать текст для них оказалось естественнее, чем писать от руки, поскольку это не привлекает внимания окружающих (в отличие от письма в тетрадке).

Дневник частично выполнял роль первого интервью в серии (собственно, интервью по функционалу приближается ко второму интервью); самонаблюдение накапливает мысли, и информанты в интервью постоянно ссылаются на опыт последней недели или на вспомнившееся в последнюю неделю. Можно также надеяться на то, что так сокращается отрыв интерпретации от опыта (именно его стремятся преодолеть через real-time технику).

В ситуации бумажного дневника заполнение граф в стандартизованной форме риторически могло служить свидетельством достаточного труда участника. Приложение, где все эти графы заполнялись автоматически, стимулировало хотя бы минимальную по объему вербализацию опыта. В то же время у информантов возникло сопротивление дизайну программы. Во-первых, использование бумажного дневника выбрали не только те, у кого не было смартфона. Во-вторых, писали о том, что делают окружающие, — вроде бы отвлекаясь от автоэтнографии, но и выдавая действительный фокус своего внимания. В приложении зачастую фиксировалось только начало транзитного временного отрезка — особенно по дороге домой; об окончании люди вспоминали лишь на завтрашнее утро. Сам факт «забывания» тоже является информативным. То, что информанты не забывали про рукописный дневник, говорит о привычности одних медиа по сравнению с другими (или о том, что мы пишем от руки в интерфейсы, где нет опции автоматического напоминания); то, что они забывали сделать check-out, свидетельствовало об отсутствии слежения за временем. В этих результатах виден аффективный, иррациональный аспект чувства ожидания и его несовпадение с физической длительностью времени. Исследовательские выводы были подсказаны полевой ситуацией, где выбор формы данных в ситуации множественных возможностей — это уже полезный материал, указывающий на социальные обыкновения и непроговариваемые знания.

Переход от самонаблюдения к автоэтнографиям и его значение для участвующих в исследовании

Итак, технологические возможности не всегда попадают в дизайн исследования таким образом, как этого осознанно желают исследователи. Для социологов/антропологов это означает, что разделению исследовательского вопроса и возможностей сбора данных требуется особое внимание.

Мне кажется важным вопрос о значении новых интерфейсов сбора данных для информантов. Мы выяснили, что оцифрованная этнография может как «освобождать» их, так и оказывать на них давление. Вариации в осведомленности, вовлеченности, самостоятельности участников исследования и горизонтальности их отношений с исследователями можно обозначить как континуум систематического самонаблюдения (ССН) и коллективной автоэтнографии (КА). ССН упаковывает контент в удобную сборщику-

заказчику форму, отсекая сложноанализируемые, малоформализованные, «непрошеные» данные. Такой подход с его сравнительной эффективностью, количественным охватом и возможностями автоматизации сегодня активно осваивается коммерческими исследованиями [Masten, Plowman 2003]. В этой связи сложно не упомянуть критику интенсивной дигитализации и как нового триггера социального расслоения: операционализируемая власть сосредоточивается даже не в контролирующих, учитывающих и подсчитывающих тотальных институтах, а в руках небольшого количества обладателей специального технического знания, которые создают интерфейсы (см., например: [Pfohl 2005; Kroker, Kroker 2008]). После публикации интервью о проекте мне поступали предложения о сотрудничестве от операторов мобильной связи и разработчиков приложений (за которыми, впрочем, последовало только выяснение того, что наши интересы не совпадают).

КА требует методологической рефлексии по поводу субъективации и объективации в исследовании; она также требует общения с участниками до проведения полевой фазы и дает на выходе разнородно представленные данные. Это понимается многими как издержки, и исследователей может интуитивно тянуть к полюсу ССН, даже если они не проводят коммерческого исследования. Частный пример — наше исследование, где совмещение аналоговых и цифровых дневников заставило дополнительно искать «общий знаменатель» для анализа.

Несмотря на шаг в сторону инклюзии (через выбор интерфейсов дневника), в проекте «Общественный транспорт и личное время» отсутствовали многие элементы, помогающие преодолеть неравенство между программистом, социальным исследователем и пользователями, чьи практики и опыты изучаются. Не было ни предложения структурировать свое время иным образом, ни предложения подсчитывать вместо минут и часов, скажем, интересные мысли и симпатичных прохожих. Периоды времени не перетекали и не накладывались друг на друга, а четко разделялись, следующий период начинался только после того, как заканчивался предыдущий (надо надеяться, что в нашем случае хотя бы это оказалось менее губительно, чем могло бы — ведь задание не подразумевало сплошной этнографии в течение всего дня). Не было ни предложения самим определить, будет ли вознаграждение, ни предложения информантам самим выбрать интерфейс — программный или аналоговый (тетрадь). Наконец, информантам можно было бы фиксировать perceived time (т. е. то, сколько по их ощущениям длилось ожидание или поездка), но и от этого их услужливо избавлял софт. Софт, опять же, делил время именно на часы и дни. Софт выделял отдельные записи жирным начертанием (кстати, в Toggl выделяется продолжительность одного задания, а в Time Record — только общая продолжительность всех заданий, которую Toggl без отдельного запроса не выводит). Софт оказался линейным, в то время как графическая связь могла бы дать другие измерения. В частности, связность опыту передвижения по городу

моих информантов могли бы придать именно рассказы об одной и той же переписке или людях, постоянно встречаемых в транспорте, а не поездки, в которые они встроены. Если бы никаких таблиц и интерфейсов не было задано, то сама организация дневника самонаблюдения (набор граф, их названия, разделение на рубрики, подробность учета времени и т. д.) могла бы стать самостоятельном типом данных.

Представляется, что в исследовании новых медиа от формата коллективной автоэтнографии могут выиграть как исследователи-гуманитарии, так и информанты. В последнее время высказывается множество проектов в сфере партисипативной науки и перераспределения компетенций между пользователями и теми, кто обладает статусом экспертов (Брайан Мартин обстоятельно размышлял на эту тему из перспективы теоретиков, студентов и активистов, см.: [Martin 2006]). В нашем случае, когда полевая фаза уже позади, остается поделиться с информантами тем, что было выяснено: выбивающееся из продуктивистской логики отношение ко времени в пути не делает их менее «современными», а является новой культурной нормой. На будущее был сделан следующий вывод: если новые интерфейсы развиваются и оказывают бурное влияние на нашу жизнь, но мы (как неразработчики) не всегда можем направлять этот процесс, то можно хотя бы совместно вырабатывать навыки его понимания и тактики уменьшения зависимости от него. Тогда одной из задач антропологии новых медиа станут коллективное освоение технологий через со-обучение, внимание к непользователям (non-users), обоюдный обмен между специалистам Toggl и гуманитарной и цифровой областей. К этому ряду я бы добавил изучение множественных вариантов не только использования, но и не-использования возможностей цифрового прогресса.

Литература

Патрушев и др. 2011 — *Патрушев В. Д., Артемов В. А., Новохацкая О. В*. Изучение бюджетов времени в России XX в. // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 112–120.

Волков и др. 2012 — *Волков В. В., Дмитриева А. В., Поздняков М. Л., Титаев К*. Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование. СПб.: Ин-т проблем правоприменения Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012.

Beck, Arnold 2009 — *Beck M. E., Arnold J. E*. Gendered time use at home: An ethnographic examination of leisure time in middle-class families // Leisure Studies. Vol. 28. No. 2. 2009. P. 121–142.

Boyle, Parry 2007 — *Boyle M., Parry K*. Telling the whole story: The case for organizational autoethnography // Culture and Organization. Vol. 13. No. 3. 2007. P. 185–190.

Buchanan, Bryman 2009 — The SAGE handbook of organizational research methods / Ed. by D. Buchanan, A. Bryman. London: SAGE, 2009.

Christensen et al. 2011 — *Christensen P., Mikkelsen M. R., Nielsen T. A. S., Harder H.* Children, mobility, and space: Using GPS and mobile phone technologies in ethnographic research // Journal of Mixed Methods Research. Vol. 5. No. 3. 2011. P. 227–246.

Collinson 2005 — *Collinson J. A*. Emotions, interaction and the injured sporting body // International Review for the Sociology of Sport. Vol. 40. No. 2. 2005. P. 221–240.

Craig 2006 — *Craig L*. Parental education, time in paid work and time with children: An Australian time-diary analysis // The British Journal of Sociology. Vol. 57. No. 4. 2006. P. 553–575.

Davidson 2009 — *Davidson C. R*. Transcription: Imperatives for qualitative research // International Journal of Qualitative Methods. Vol. 8. No. 2. 2009. P. 35–52.

Hammersley 2003 — *Hammersley M*. Recent radical criticism of interview studies: Any implications for the sociology of education? // British Journal of Sociology of Education. Vol. 24. No. 1. 2003. P. 119–126.

Hanna 2012 — *Hanna P*. Using internet technologies (such as Skype) as a research medium: A research note // Qualitative Research. Vol. 12. No. 2. 2012. P. 239–242.

Kien 2009 — *Kien G*. Global technography: Ethnography in the age of mobility. New York: Peter Lang, 2009.

Kroker, Kroker 2008 — *Kroker A., Kroker M*. Critical digital studies: a reader. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2008.

Larsen 2014 — *Larsen J*. (Auto)Ethnography and cycling // International Journal of Social Research Methodology. Vol. 17. No. 1. 2014. P. 59–71.

Markey 2014 — *Markey A. R*. Three essays on boredom [2014] // *Dissertations*. Paper 424. http://repository.cmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1424&context=dissertations.

Martin 2006 — *Martin B*. Strategies for alternative science // The new political sociology of science: Institutions, networks and power / Ed. by S. Frickel, K. Moore. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2006. P. 272–298.

Masten, Plowman 2003 — *Masten D. L., Plowman T. M.* Digital ethnography: The next wave in understanding the consumer experience // Design Management Journal (Former Series). Vol. 14. No. 2. 2003. P. 75–81.

Merz 2002 — *Merz J*. Time use research and time use data — actual topics and new frontiers // FFB Discussion Paper. No. 32. 2002. http://www.leuphana.de/fileadmin/user_upload/Forschungseinrichtungen/ffb/files/publikationen/diskussion/DP_32_time_use_db.pdf.

Oates 2015 — *Oates J*. Use of Skype in interviews: The impact of the medium in a study of mental health nurses // Nurse researcher. Vol. 22. No. 4. 2015. P. 13–17.

Pfohl 2005 — *Pfohl S*. New global technologies of power: Cybernetic capitalism and social inequality // The Blackwell companion for social inequalities / Ed. by M. Romero, E. Margolis. Cambridge: Blackwill, 2005. P. 546–592.

Pink 2009 — *Pink S*. Doing sensory ethnography. London: SAGE, 2009.

Schivelbusch 2014 — *Schivelbusch, W*. The railway journey: The industrialization of time and space in the nineteenth century. Berkeley: Univ. of California Press, 2014.

Sullivan 1997 — *Sullivan O*. Time waits for no (wo)man: An investigation of the gendered experience of domestic time // Sociology. Vol. 31. No. 2. 1997. P. 221–239.

van Dijck 2007 — *van Dijck J*. Mediated memories in the digital age. Stanford: Stanford Univ. Press, 2007.

van Doorn 2013 — *van Doorn N*. Assembling the affective field: How Smartphone technology impacts ethnographic research practice // Qualitative Inquiry. Vol. 19. No. 5. 2013. P. 385–396.

Affordances as a problem: One case of digitalized collective self-observation

Voz'ianov, Andrei G.
MA in Cultural Anthropology, PhD Student, Research Assistant
Institute for East and Southeast European Studies, University of Regensburgself
Graduiertenschule für Ost- und Südosteuropastudien
Universität Regensburg; Landshuter Str. 4, D-93047 Regensburg, Deutschland
Tel.: 0049-(0)941-943-5360
E-mail: avozyanov@gmail.com

Abstract. This article is concerned with affordances of smartphone applications for collecting data in anthropological research. The empirical base is a project dedicated to experiences of urban commuting in Moscow and St. Petersburg, Russia, which was carried out in summer 2014 with the help of time-tracking mobile apps. Firstly, we consider the methodological benefits of partial automatization for the "boring parts" of ethnography, such as somewhat easier recruitment and data processing. These are counter-weighted by the dangers of unreflective use of digital interfaces. In particular, the software design tends to impose established frames of experience narration and standardized temporalities, as well as to "cut off" data that could be presented through a less structured interface.

Keywords: collective self-observation, new media, big data, digital humanities, time-budget, smartphone, autoethnography

References

Beck, M. E., Arnold, J. E. (2009). Gendered time use at home: An ethnographic examination of leisure time in middle-class families. *Leisure Studies*, *28*(2), 121–142.

Boyle, M., Parry, K. (2007). Telling the whole story: The case for organizational autoethnography. *Culture and Organization*, *13*(3), 185–190.

Buchanan, D., Bryman, A. (eds.). (2009). *The SAGE handbook of organizational research methods*. London: SAGE

Christensen, P., Mikkelsen, M. R., Nielsen, T. A. S., Harder, H. (2011). Children, mobility, and space: Using GPS and mobile phone technologies in ethnographic research. *Journal of Mixed Methods Research, 5*(3), 227–246.

Collinson, J. A. (2005). Emotions, interaction and the injured sporting body. *International Review for the Sociology of Sport, 40*(2), 221–240.

Craig, L. (2006). Parental education, time in paid work and time with children: An Australian time-diary analysis. *The British Journal of Sociology*, *57*(4), 553–575.

Davidson, C. R. (2009). Transcription: Imperatives for qualitative research. *International Journal of Qualitative Methods, 8*(2), 35–52.

Hammersley, M. (2003). Recent radical criticism of interview studies: Any implications for the sociology of education? *British Journal of Sociology of Education, 24*(1), 119–126.

Hanna, P. (2012). Using internet technologies (such as Skype) as a research medium: A research note. *Qualitative Research*, *12*(2), 239–242.

Kien, G. (2009). *Global technography: Ethnography in the age of mobility*. New York: Peter Lang.

Kroker, A., Kroker, M. (2008). *Critical digital studies: A reader*. Toronto: Univ. of Toronto Press.

Larsen, J. (2014). (Auto)Ethnography and cycling. *International Journal of Social Research Methodology, 17*(1), 59–71.

Markey, A. R. (2014). Three essays on boredom. *Dissertations*. Paper 424. Retrieved from http://repository.cmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1424&context=dissertations.

Martin, B. (2006). Strategies for alternative science. In S. Frickel, K. Moore (eds.). *The new political sociology of science: Institutions, networks, and power*, 272–298. Madison: Univ. of Wisconsin Press.

Masten, D. L., Plowman, T. M. (2003). Digital ethnography: The next wave in understanding the consumer experience. *Design Management Journal (Former Series)*, *14*(2), 75–81.

Merz, J. (2002). Time use research and time use data — actual topics and new frontiers. *FFB Discussion Paper, no. 32*. Retrieved from http://www.leuphana.de/fileadmin/user_upload/Forschungseinrichtungen/ffb/files/publikationen/diskussion/DP_32_time_use_db.pdf.

Oates, J. (2015). Use of Skype in interviews: The impact of the medium in a study of mental health nurses. *Nurse researcher*, *22*(4), 13–17.

Patrushev, V. D. Artemov, V. A., Novokhatskaia, O. V. (2001). Izuchenie biudzhetov vremeni v Rossii XX v. [Study of time budgets in Russia in XXth century]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies]*, 2001*(6), 112–120. (In Russian).

Pfohl, S. (2005). New global technologies of power: Cybernetic capitalism and social inequality. In M. Romero, E. Margolis (eds.). *The Blackwell companion for social inequalities*, 546–592. Cambridge: Blackwell.

Pink, S. (2009). *Doing sensory ethnography*. London: SAGE.

Schivelbusch, W. (2014). *The railway journey: The industrialization of time and space in the nineteenth century*. Berkeley: Univ. of California Press.

Sullivan, O. (1997). Time waits for no (wo)man: An investigation of the gendered experience of domestic time. *Sociology*, *31*(2), 221–239.

van Dijck, J. (2007). *Mediated memories in the digital age*. Stanford: Stanford Univ. Press.

van Doorn, N. (2013). Assembling the affective field: How Smartphone technology impacts ethnographic research practice. *Qualitative Inquiry*, *19*(5), 385–396.

Volkov, V. V., Dmitrieva, A. V., Pozdniakov, M. L., Titaev, K. (2012). *Rossiiskie sud'i kak professional'naia gruppa: sotsiologicheskoe issledovanie* [Russian judges as a professional group: A sociological study]. St. Petersburg: Institut problem pravoprimeneniia Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).

Voz'ianov, A. G. (2016). affordances as a problem: One case of digitalized collective self-observation. *Shagi / Steps, 2*(1), 114–126